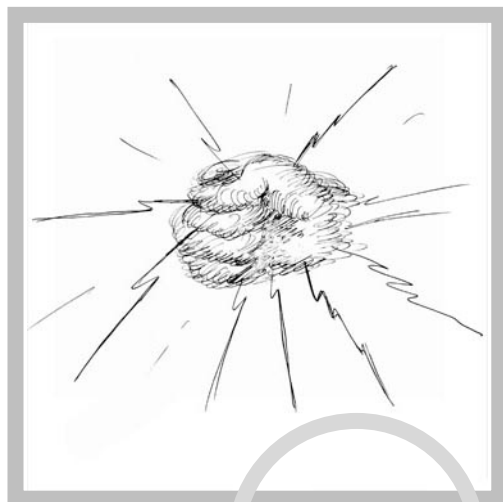

МЕРАЙЛИ

МОЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1977 ... 2012

© Мерайли, 1977–2012

© Иванов П. Б., верстка и оформление. 2012

© Ольга Романова, графика титульного листа. 2005

<http://unism.narod.ru/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.org/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.net/mer/index.htm>

- ⊙ Допускается копирование текста в любой форме, целиком или частично, с любыми изменениями, включая перевод на другие языки, с любыми целями (в том числе коммерческими), при условии, что это не ограничивает свободы распространения данного оригинала.

Вступление Революция продолжается

Товарищи!
Прошу внимания.
Дело серьезное.
Разговор не о цветочках на лугу.
Скажите, зачем некоторые
взрослые
лгут?
Зачем тиражат
сотнями тысяч
какое-то, извините за выражение, говно?
Сегодня
стихи
черта с два отыщешь.
Или
наши
поэты
вымерли давно?
Что тогда
все эти громкие
фразы
о патриотизме, о творчестве масс и прочая?
Эй,
много ли вас,
кто шепнул
хоть раз
то,
о чем надо
[р] орать
[л] изо всей мочи!
Хороших поэтов
скупо
печатают.
Их осталось-то: раз, два — и обчелся.

Кто-то
о юбилеях печется,
а тут — вдруг — последняя
дата.
Что же на смену? Березки и кустики?
Куцые ямбы окаменелой
истории?
Кто
будет писать
по законам акустики
миллионных
аудиторий?
Товарищи!
Поэзия — это не шуточки.
Нечего тут стесняться и жаться!
Протрите ваши глаза — или очки,
видите? — Революция
продолжается.
Без ссылок, без виселиц, без арестов —
но, как и много лет назад,
каждому делу — свое место:
на
баррикадах —
или против
баррикад.
Третьего не было — и не будет.
Товарищи поэты и непоэты,
вы — люди.
Поэтому
каждый шаг,
каждое чувство,
каждое слово —
все, с чем придется в жизни столкнуться,
сверяйте,
пожалуйста,
снова и снова
с нашей
революцией.

~ 1979

Цветы

Небо в тучах включено,
Громы ходят грубые...
На вокзальной площади
Торговали трупами.
Трупы были свежие
И еще красивые,
Но сквозь белоснежное —
Проступало синее,
Засыхало алое
Бурыми комочками,
И глаза усталые
Говорили: кончено.
Пусть остались запахи,
Жизни наваждение, —
Всемогуще затхлое,
Безнадежно денежное...
 Мы родились чистыми,
 Нежными красивыми, —
 И цвели, лучистые,
 Молодою силою.
 Но не терпят в старости
 Юной откровенности.
 Может быть, от зависти?
 Может быть, от серости?
 Болью сталь оплавлена:
 Крылья, корни, завязи —
 Все самое главное
 Смертью обрезается.

Небо в тучах включено,
Громы ходят грубые:
На вокзальной площади
Торговали трупами.

Платят покупатели
И дарят на свиданиях
В знак любви и памяти —
Смерть и увядание.

июль ... август 1980

Дурак и должность

(басня)

Влез как-то раз Дурак
 на важный пост.
 И, развалившись во весь рост,
 взялся за дело...
 Все у него в руках кипело
 и двигалось
 само собою...
 В помощниках-то — не было отбою!
 И тут Дурак, как водится, зазнался:
 уж он на мелочи не отвлекался,
 шел весь запас его бесценных дней
 на поиск
 стратегических
 путей.
 (Я по секрету вам скажу: оно ведь просто,
 когда запомнил три десятка фраз,
 из самых ходовых, —
 а остальное враз
 доделают, и выверят по ГОСТу;
 и у героя нашего нимало
 трудностей не возникало.)
 Понятно, что при эдаких масштабах
 избави бог случиться не тому!
 А потому
 к нему
 простого смертного не подпускали, дабы
 не опускался этот
 мощный
 ум
 до наших мелочных житейских дум.
 Но раз, как говорится, связь с народом —
 в краю камней и во главе угла,
 так чтобы она, хоть липа, но была —

патриотическая
мода
на зафанфаренные письма снизу
шла.

Кто их писал, про то — покрыто мраком.
Народ же полз по жизни кверху каком,
да меж собой творил
по мере сил —

то бишь, анекдоты про Вождя травил.
Дела-то шли и шли, своим порядком,
и как всегда: не слишком гладко.

Ну, кое-где порой Дурак бывал...
Но там всю темень — будто кот слизал;
там лучший цвет трудящихся слоев:
«Осанна, отче наш!» — ему поет.

А тот, понятно, и не сопротивлялся —
ложной стыдливостью он не страдал;
ну а потом уже и сам не сомневался
в своих достоинствах. И щедро раздавал
своим друзьям, друзьям своих друзей
и прочих замечательных людей,
желая их вознаградить сполна,
посты, приветствия и ордена.

И награжденные в долгу не оставались:
на недостаток власти не ропща,
они подумали, посовещались —
да памятник воздвигли сообща...

Тут надо бы кончить — да не знаю, как.
Конец куда-то вдруг запропастился.
Единственное, чего я добился, —
извлек мораль:

коль высокопоставленного дурака
окружат подлецами и льстецами —
концы их в воду, и —

с концами.

13 июля 1978

Альбинос (1)

Давайте рвать друг другу глотки,
давайте клыками решать споры...
Мы все дарвинисты — я не против
естественного отбора.
Я знаю: жизнь любит сильных.
Женщина — и этим все сказано.
Официально: «Мы решили...
Больше подходит... Обязанностей...»
Да-да, конечно. Полностью за.
В школе учили: homo homini...
брат и товарищ... и все такое...
Да еще глаза на образа.
Истина вечна и вездесуща.
Все железно — закон природы:
кто преуспел в своем насущном,
тот преуспел на благо рода.
Так значит — слава!
Значит — да здравствует!
Кто там, право,
труса празднует?
Ну-ка в пекло! —
в самое-самое! —
Человека
выплавим заново!
Все едино,
терять нечего.
Станьте сильным —
и ваша женщина.
Станьте смелым, почти нахальным —
пусть Удача по вам вздыхает.
Станьте резким, и даже грубым —
пусть Любовь подставляет губы.
Станьте всех умнее,
выше и главнее,
наш идеал, самый сильный человек!

март 1982

Той самой Незнакомке

В шестом, в седьмом ли круге ада,
Когда, горя до хрипоты,
Я проклял все — явилась ты
И улыбнулась мне: так надо.

И выжил, выбрался на свет,
Наворотил побед громады —
Но вновь услышал твой совет:
Не загордись. Так было надо.

Тут кто-то рывкнул: черта с два! —
Надвинулся, велик и пылен,
С моих разлапистых извилин
Срывая грешные слова, —

И полетели мегастроки,
От нетерпения рыча,
Мои святейшие пороки
Врубая в ближнего с плеча...

Вот, я ору на них с эстрады,
Я не в себе, ни в ком, ни в чем —
А дело-то всего лишь в том,
Что все это кому-то надо.

Да что кому-то! Надо — мне,
Ему, ему, тому, другому...
Ведь души доползут до дому —
И будут вкалывать во сне:

В шестом, в седьмом ли круге ада
Умаются до хрипоты...
И вот тогда возникнешь ты,
И скажешь им, как мне: так надо.

июль 1981

М. Р.

Можно в углу в кулак плакать,
 или
 рвать на себе волосы —
 а можно:
 плавить,
 плавить,
 плавить!
 И можно — орать в два голоса.
 Буря
 бровями
 кружево
 сентиментальной чепухи,
 вижу:
 живут
 натруженные
 гулы стихий.
 Вот они. Здесь.
 Дело делают.
 В ухо — влезь
 децибелами!
 Осточертели псевдокультурные
 штучки,
 вензеля.
 Да здравствуют тучи,
 молниями пьяные!
 Пусть
 внутренности наружу,
 как будто сдуру
 хватил
 свежесваренного киселя!
 Барышни: ах! какой ужас!
 А нам — хоть бы что.
 Мы еще глянем,

как там,
на небесной летучке,
колеблющейся дряни
вставляют
 пистоны.
Хватит
 жалобных
 флейт!
Даешь
 паровой
 молот!
Пришло время
 малость размять
 задубевшие филе
санкций, директив и протоколов.
Ну, трепещите,
 гвардейцы смирения!
Нынче решено:
вместо гниения
в собственной лени
хочу
 устать
 от сотрясения основ.
Я жажду прекрасного.
Я — человек.
И — вон
 из стойла гнилых традиций! —
впрягаю тройню пегасов
в бег
моей боевой колесницы.
Мчатся кони, чудо-кони —
снежнокрылые огни;
звезды — пригоршней в ладони,
только руку протяни;
блекнут грустные ракеты,
небо дюзами излязгав —
это
 радость
 варит сказки

в домнах жаркого рассвета,
 это — знание
 гонит ток
 по жилам космических электростанций,
 и это — близкое счастье.
 То,
 за которое стоит драться.
 Товарищ!
 Заткни
 декадентский скулеж.
 Некогда
 жизнь простанывать.
 Хочется моря и пальм? — даешь
 гневность
 подводных вулканов!
 Гони
 по склонам
 злую лаву,
 сметая
 тупость
 рыл
 и пушек.
 Работа поэта: знать
 и плавить —
 чтобы не стыли
 души.

апрель 1984

Ода взятке

О, великая и могучая!
О, вездесущая!
О, всемогущая!
О, бесконечно живучая!
Тебе, сметающей преграды,
тебе, добывающей, сколько надо,
тебе, делающей жизнь спокойной и плавной, —
слава!

слава!

слава!

Ты — основа бытия.
Ты — опора мира и порядка.
Неисчерпаема мудрость твоя,
о, взятка!
Ты — вне законов и вне времен:
тысячелетия уходят — а ты все та же.
Ты сама самый главный закон,
а возможно — главнее даже.
Формации, общества... Меняются люди.
Три мира возникли, исчезнут пять.
А взятки брали, и брать будут,
пока есть кому давать.

А кому — есть. И немало.
Выгодно, чтобы чего-то не хватало...

Ветер с налету бьет в грудь,
волосы, мягко играя, трогает.
Некогда медлить, нельзя отдохнуть —
дорога.
Лязг железа, турбин ной,
скорость разбрасывает надежды...
Кажется: почти. И вдруг — отбой.

Застрыл где-то между.
Есть самолеты, вагоны есть...
А билеты — канули в воду.
И потом в рейсе половина мест
свободна.
Впору с отчаяния головой в пруд.
Трижды простояны кошмарные очереди...
А голос знакомый тут как тут:
"Слушай, уехать хочешь?"
И гражданин, стыдясь себя,
матом невольную подлость кроя,
бросит бумажку в хапужью пасть —
и все устроено.

Я — в магазин. Денег — тьма.
Эх развернусь, куплю получше!
А там — не товар, а кучи дерьма.
Много хочешь — мало получишь.
Прочь отсюда,
резко в другой...
Что за чудо?
Ни в зуб ногой!
Но вижу: глаз продавца косит.
Значит — можно надеяться.
Товар стоит, лежит, висит —
только спрятан,
 под денежкой:
дай сверху — и увидишь его.
А не хочешь — ну так и нет ничего.

Рекламят проспекты яркие россыпи
всяческих благ тем, кто учится.
Пожалуйте в вуз. Все очень просто.
Рискните — а вдруг получится?
Юнец к папаше, ног не чую:
"Папочка, поступать хочу я!"
Родитель смело
 берется за дело:

декану папа —
 четвертак в лапу;
за этим нужен
 шикарный ужин;
а если не хватит —
 еще заплатит.

Так все доводится до конца.
Закономерно: в списках зачисленных
фамилия папочки, инициалы юнца...
Надежно — и чисто.

Много мест, где всунуть надо.
Считать замучишься, боже упаси.
Тут ведь прописка, дачи, награды,
аплодисменты, погромы, подряды,
номер в гостинице, билет в театр...
Не говоря уже о ресторанах и такси.

Люди!
 У нас еще все впереди.
Перед памятью прошлого,
 перед лицом грядущего,
давайте же
 должное
 воздадим
и тем, кто берет, —
 и дающим!

... август 1977

Еще раз о...

микропоэма

Купите!

Купите!

Купите!

Танец реклам жжет.

Тряпкой витрин

вытерт,

проспект мертвецки желт.

Время — деньги.

Деньги и время...

Бешенство вечных тем.

И, утонченно выточенные из кремня,

стены, стены, стены...

И кидают стены

тени.

И словно

тяжелая мысль тупицы —

одно слово:

купите, купите, купите.

Заманчиво щедро,

заманчиво красочно,

рекламы —

циклопий глаз точно,

ужасны,

как ядерная война.

Удобно, дешево, без обмана... —

а цель одна:

побольше выгрести из кармана.

Да вот они —

свои,

не украл, не убил!

Нате, подавитесь, обжорища!

Лучше я
 глубже
 зароюсь в ил,
самых надежных нор ища, —
только бы не ваша злая фальшь,
глупая,
 как жизнь,
 мелодрама:
Покупайте колбасный фарш!
Посетите московские рестораны!
Это еще ничего, не самое вредное.
Можно как-нибудь и посетить.
Но есть рекламы —
 готовые убить.
Действуют быстро — и незаметно.

Я видел не раз
такую заразу:
Дешево,
 выгодно,
 комфорт обеспечен!
Будьте, граждане,
 подлецами.
Плюйте
 на родины и отечества,
торгуйте
 матерями и отцами!
Совесьть — рудимент нашего века.
Что нам до ее нитья?
Все
 у нас
 для блага
 человека.
А этот человек —
 я!
Смелее,
 решительнее,
 наглей!

Дави ближних,
 дальних бей,
 поворачивайся молотом!
 И ты все, что надо,
 возьмешь
 от людей —
 живи свободно
 и молодо!

От этой гадости отвернешь глаз,
 а там —
 не легче.
 Мразь у мрази заимствует грязь —
 и все валится
 на человечество:
 Купите! — и не пожалеете.
 Широкий выбор
 товара.
 У нас вы можете приобрести
 добродетели,
 поэтический дар
 для гонорара;
 а рядом — для чистки рук
 мази,
 почет и слово
 веское.
 Или, например,
 связи —
 импортные и советские.
 Вы одиноки? Помочь нельзя?
 Вон, в том отделе
 люди
 продаются.
 Имей сто рублей —
 а друзья
 всегда найдутся!
 Можно купить
 любовь даже.

Не верьте битловым хрипам.

У нас

всегда

в продаже

бляди.

От матрон до хиппи.

Небо чернеет день за днем,
копоть кругом разбрасывая, —

мы

по своей земле

идем,

человечья раса.

А впереди —

пламя реклам:

Купите,

купите, люди!

Природу

по дешевке

загоним вам.

Смотрите,

потом не будет!

А мы

продаем!

тишину лесов,

зверей, птиц, рыб...

Зайдите

на часок,

купите — огромный выбор.

Дальше —

все злее смех реклам:

Пользуйтесь нашими услугами!

Мы продаем

ум и талант,

скупаем

выдающиеся заслуги.

Мысли
сдаются напрокат:
дешево, удобно, без риска.
Все зависит от кошелька:
миг — и Вы гений. Просто
и быстро.

Руки бессильно падают.
Все
завертелось
в адовом танце.

Купите! —
Нет!!!
Не надо-ооо!!!

Что?
Это уже моя станция?
Как хорошо...

Тишина,
свет ламп
мягок, как белизна.

И нет
этих
злых и подлых
реклам!

И — тишина.
Правда,
длинные рукава чуть-чуть,
и связаны за спиной...
Но я уходить не хочу!
не хочу!

Я больной,
больной,
больной!!!

Купите, купите, купите...
Танец
реклам
жжет.

Тряпкой витрин вытерт,
проспект
 мертвецки желт.
Серый,
 как ночь,
 день,
стены,
 выточенные из кремня...
Я
 хочу
 уничтожить
 деньги —
и для этого
 убиваю
 время.

июль 1976

* * *

Таблицы, формулы — бумаги,
Отчеты, мокрые от влаги,
Что ниспадает без конца
С официального лица...

О современный храм науки!
Какой отпетый зубоскал
Бюрократические муки
Научным творчеством назвал?!

На плешь чиновника с почтением
Возложат суетный венок:
Рубли, престиж, квартира... Но
Где — божество? где — вдохновение?

1985

Им

Американские специалисты оценивают стоимость полета на Марс ориентировочно в 100 миллиардов долларов...

Военный бюджет США в 1984/85 финансовом году составит 305 миллиардов долларов...

Из прессы.

Мой мир — взраченное пламя.
Прочь
невесомую кружень!
Радуюсь,
когда
рыдает
камень,
потяжелев
на сотню "же".
Вырвут дюзы
дней
сталь,
выжжена чисто
звезд
слизь —
светлые
мысли
мчи
вдаль,
мирные
грузы
взмой
ввысь!
Но пусть
знают
капитала
цепные гады,

грозящие гибелью
нашей
Земле:
мы начеку —
и если надо,
не дрогнет
броня
рабочих плеч.
Я
душу
из рифмованных ребер
вырву,
сблочу
в мегатонны
сердечный ком,
чтобы
выгранился
во имя грядущего
мира
наш мир
баллистическим
красным
штыком.

февраль 1984

Внутренний голос

Сколь мерзок этот мир,
 столь тягостна кончина.
 Не потому что
 боль,
 и страх,
 и пустота.
 А просто — быдлом был,
 и сдохнешь, как скотина,
 и падаль воронье растащит по кустам.
 Кому-то в жизни все: и радости, и горе —
 кому-то можно
 петь,
 и мыслить,
 и мечтать...
 А остальным — сиди в дерьме,
 и будь доволен,
 и пятки всем лижи,
 и прочие места.
 Власть
 и закон,
 свобода,
 справедливость!
 Наивная брехня на глупеньких рабов.
 А жизнь — толчок
 для богачей сопливых:
 Феллини, брэйк и сказки про любовь.
 Что, не по нраву?
 Господа-эстеты!
 Ценители красот,
 небесных и земных!
 Стандартный номер:
 плешь — в песок,
 глаза — в газету.

Гвоздями и крестом — пророка сатаны.
Но
 как ни проклинай,
 как ни топчи
 КОПЫТОМ
шок
 оголенных ран
 и неприличных
 СЛОВ —
Один
 на всю поганую элиту,
я был,
 я есть,
 я буду —
 вам назло!

февраль 1987

* * *

Кто много говорит о равенстве и братстве,
Тот лицемерно лжет — или попросту дурак.
Одним — всю жизнь жиреть на даровом богатстве,
Другие же — бесправнее собак.

Да наплоди хоть миллион законов —
Они повиснут, как лапша с ушей,
Покуда голоса поганых миллионов
Куда слышнее трудовых грошей!

Конечно, все равны: рабочий после смены,
Буржуй среди салонной трескотни...
Все продается всем — за ту же цену.
За те же деньги... У кого они!

Эй, господа! Спокойно ли вам спится?
Или — совесть мучает, и тянет все сильней
Подачкой откупиться, заслониться
Наемной мразью, по уши в броне?

Не обольщайтесь. Кошельки, и танки,
Вас не уберегут от грозного суда,
И купленных свобод последние останки
Низвергнутся в крови — и сгинут, навсегда!

февраль ... март 1995

* * *

К сведению отдельных личностей,
путающих масштабность и лихачество:
мы, конечно, за
 количество —
но двумя руками за
 качество.

~ 1984

Песня о переменах

Говорят, будто что-то меняется.
В самом деле, меняется

что-то.

Только так уж оно получается:
Изменения — не наша забота.

Сверху спустят закон,
Где наш голос "учтен" —
И ликует народ,
Под закон подведен.
А как сменится трон —
Будет новый закон.
Нам тогда объяснят,
Чем был старый дурен.

А нам наплевать, кто на нашем горбу
Каждодневно въезжает в свой рай.
Так что же: терпеть и роптать на судьбу,
Или в драке пропасть? — Выбериай!

Выбор глух — аж в печенках паскудится.
Но когда же бывало иначе?
Мы ведь знаем: кто доблестней трудится,
Магазины для тех побогаче!

Наш державный отец
Истрадался вконец,
Дабы с честью блюсти
Свой законный венец —
Он не спит по ночам
От проблем и программ,
И поэтому спать
Не положено нам!

Ох непросто оно — на высоком верху
Обеспечить большую семью:
Аппетиты растут — и, хоть рыльце в пуху,
Каждый требует долю свою!

Что-то будет меняться, естественно.
Только лишних иллюзий не надо.
Хоть война, хоть чума, хоть пришествие —
Продолжается тот же порядок:

После сладких речей —
Стол отборных харчей,
А на случай чего —
Стая личных врачей;
Всем дружкам по звездам —
Глядь, в героях и сам;
А кто против — того
По горбам, по горбам!

А нам все едино, кто будет нас бить:
Царь, генсек, президент или бог.
В этом мире нельзя ничего изменить
Без того, чтобы сам не подох.

Так гори оно все погребальным огнем!
Пропадать — так уж всем заодно.
Не на этом свету, так хотя бы на том —
Всем всегда и везде все равно.

1988

* * *

А в России опять дожди
По дорогам лежат болотами,
И стервятники двухголовые,
И народ косолапо дик.

А в России опять кресты
По закатам гнилыми трещинами,
И рабов загоняют в грешники,
И глаза у людей пусты.

А в России опять беда:
Колокольни над кабаками
Травят немочью бледнокаменной
Озверелые города.

Одурманенная страна
Замордована, исклеветана —
Безнадежная и беспросветная,
Никому она не нужна.

16 ... 19 августа 2005

Выкуси!

Щепотка злости, толика ума,
Крупица правды, горсточка сомнений,
Пол чайной ложки свежих впечатлений —
Да хорошо бы времени кусман...

Но главное — густой самообман,
Побольше страха, зависти и лени,
Покорность веры в предопределение
Хозяйской кары и небесных манн...

Вот он, рецепт похлебки из дерьма,
К которой все приучены с рождения —
Кто по природе, кто по убеждению...
И господам желательно весьма,
Чтобы мы ее вкушали с наслаждением...
Но — миль пардон! — я не такой гурман.

12 ... 14 июля 2008

* * *

Господа и рабы.
Тысячи лет
одни истязают других,
присваивая чужой труд.

Рабы и господа.
Десятки веков.
Покорность или бунт.
Все едино.

Будет день
боли и радости!
И каждый станет
хозяином своей судьбы.

Пока одни рабы
правят другими рабами,
трудно — хотя бы в мечтах —
не быть рабом.

8 февраля 2002

* * *

На — золото, продай мне поцелуй...

Н. Огарев

Всемогуществом и властью
упиваются буржуи.
Все доступно, все продажно:
Люди, мысли, поцелуи.

Нынче золото в почете,
нет ни в чем ему отказа:
лишь тряхни тугой мошною —
центром мира станешь сразу.

Кто присвоил сны чужие,
кто купил свои мечты,
тот достоин быть красивым,
и великим, и святым...

И однако даже этим
нет блаженного покоя:
все на бешеные цены —
но как будто не такое.

И в домах теплей бы малость,
и желания светлее,
и приветливее взгляды,
и пиры бы веселее...

Так и норовят подсунуть
контрафактного дерьма:
там — смеются, там — бунтуют...
Надувательство, обман!

Нет, буржуй, твоей породе
не положено иного —
сколько ни крути законом,
облапошен будешь снова.

Слишком жирно будет вместе:
и счастливым, и богатым.
Хочешь ты любви за деньги? —
Будь доволен суррогатом!

~1991 ... сентябрь 2002

Призвание

Впитавший и ропот травы у обочины,
и грязную сутолоку этажей,
на Лобном поэт лежит, обесстроченный,
время течет — и не больно уже.
А черная зависть кружит над крышами,
серость подкрадывается из-за угла,
и точат немые сомнения — слышите? —
погибших поэтов живые тела.
О слабые плотью! о нищие духом!
Воинствуйте! — ваша настала пора.
Для вас, абсолютно лишённые слуха,
победную песнь прокрипят флюгера.
Спешат, копошатся, карьеру делают...
Нечем помнить, незачем ждать.
Плац и богема. Сердца задубелые.
Молча проскальзывает иногда —
из тусклых глазниц, где бельма белесые,
где всякая сволочь дышать не даёт, —
на влажной щеке хрустальными веснами —
Земля моя, Лобное место мое.
Я знаю, что надо подняться заново
и, нервы шальные в кулак зажав,
увидеть, как рдеет поэзии зарево
по травам, по времени и по этажам.
Надо — стихи, под красными флагами,
сквозь губы, привыкшие лстить и лгать,
восстанут, как были, — и, с рифмами наголо,
неистойвой лавой пойдут на врага.

ноябрь 1983

На успение святого Николая

Дядя Коля номер два
Был хороший дядя:
Он детеньшей своих
По головке гладил,

И супружницу свою
Не бивал ни разу —
Хоть тащила в дом она
Гришкину заразу;

Ей не жидился купить
Лишнюю булавку;
Не ходил по кабакам,
И не нюхал травку,

И не бегал без штанов
С драными трусами —
А к мундиру надевал
Бороду с усами.

Тут бы жить, да не тужить,
Царствовать на славу —
Да в статистике иметь
Мощную державу...

Но народец вечно был
Чем-то недоволен...
Не желают подыхать
У станка и в поле!

Вишь, в казармах тесно им,
И полочки мало!
Так по тюрьмам и жилья,
И еды хватало...

А кого в Сибирь ссылал —
Их же блага ради,
Для создания семьи —
Как Володю с Надей.

Но не ценят доброты
Подлые холопы...
Просто срам перед лицом
Штатов и Европы.

Вот, надумали шуметь
Прямо под дверями...
Из-за этого потом
Трупы штабелями.

Да не набрались ума...
Ну чего им надо?
Вдруг повадились в Москве
Строить баррикады!

Генералы-то у нас
Шутковать не любят.
Казачьи людишек тож
Без разбору губят...

А что гол народ и бос —
Брешут, супостаты!
За бесплатно шили всем
Петины краваты.

И японцев мы тогда
Чуть не победили —
И всего-то тридцать тыщ
Жизней положили!

Вот немецкая родня —
Не в пример покруче!

Те уже на миллион
Заварили бучу.

Ну а Коля тут при чем?
Это все подстава...
Зря его зловредный люд
Обзывал кровавым.

Все сатрапы-палачи,
Все они! А сам-то
Сплошь смирен да незлобив —
Настоящий Санта.

Ни за что большевики
Колю обижали —
И в конце концов с семьей
Вместе расстреляли.

май 2008

* * *

С точки зрения филологии
все происходящее крайне интересно
и безусловно способствует
уяснению законов эволюции
языка.

И в самом деле,
разве не занимательно видеть,
как негры становятся афроамериканцами,
дни — критическими,
а банальный понос — возвышенной диареей?
Мы говорим по-другому — и это
облагораживает общество в целом:
бессовестный спекулянт превращается

в честного предпринимателя,

украсть означает заработать,
убожество именуется духовностью,
а бессмыслица — философией...

Все рационально, никто не сачкует, все заняты делом:
капиталисты вкладывают капитал,
бродяги бомжуют,
проститутки оказывают интимные услуги —
и молодежь уже не балдеет,
а тащится или оттягивается.

Приятно пройтись
вместо улицы Антибуржуя
по какой-нибудь Ризположенской,
где нет магазинов,
а сплошь бутики и шопы,
с загадочными названиями
типа: "Женский прикид".

Конечно, бывает трудно
сориентироваться,

когда нетрадиционно трахают,
 конкретно стебаются,
 заказывают не "что?", а "кого?", —
 и даже поллитра
 перестает быть национальной валютой —
 и пишется через черточку.
 Забавно понаблюдать,
 как некто не слишком продвинутый
 путает консумацию с конституцией
 и рэпера с репером.
 В норме.
 Старший помощник младшего конюха
 называется менеджером,
 а тот, кто раньше прикидывался шлангом,
 теперь гордо величает себя чайником.
 Но прогресс —
 это связь и преемственность:
 по-прежнему мещане обзывают друг друга совками,
 а себя считают аристократами;
 те же слова на заборах и стенах сортиров;
 та же тупость на мордах начальства,
 и подлость у подчиненных;
 синонимы: секс и любовь;
 антонимы: деньги и гений;
 как всегда:
 в небо — пальцем,
 в зуб — ногой,
 в стране — бардак,
 в школах — параграфы,
 в прессе — базар,
 а в театрах —
 бессмертная комедия Гоголя "Аудитор",
 в новорусском переводе.

Так надо.
 Чтобы история не остановилась.
 Чтобы процветала наука филология.
 И плевать,

если какой-нибудь захудалый поэтишка,
не имеющий аськи,
почему-то не хочет вместо общения —
тусоваться и чатиться,
и никак не может привыкнуть,
что место, где некогда были крылья,
называется просто: лопатки.

май 2003

* * *

Шумите, господа, шумите!
Вам эта глупая игра
Еще в новинку, может быть, — а
Нормальным людям спать пора.

И я был суетен когда-то —
Но вырос. И уже давно
Что демократы, что домкраты —
Мне, право слово, все равно.

Устал от этой дребедени,
И не желаю слушать я
Пустопорожних рассуждений
И беспардонного вранья.

Какая, к черту, справедливость
И разделение властей!
Приполз с работы, выпил пива,
Заел, помылся — и в постель.

Когда не до конца измотан —
Нелегкий, но приятный труд...
И нам с подругой нет заботы,
Кого куда не изберут.

К шести утра, за кофепоем,
Киваю сонной головой:
Одним одно, другим другое,
А третьим — вовсе ничего...

Кого на что по жизни манит.
Вы, вот, в буржуи, а по мне —
Уж лучше фигою в кармане,
Чем подлым долларом в мошне.

А с вами навсегда враги мы,
И компромисса не найдем:
Вам не по вкусу растворимый,
А я — доволен желудем.

~ 1989 ... апрель 2004

Иностранец

микропоэма

Вечная жизнь — мечта идиота.
Если ты
 хоть капельку
 человек,
живи сейчас —
 твори, работай,
делай сам
 свой собственный век!
Пусть что-то не сладится,
 не дозреет,
но каждому делу —
 бессмертный след,
и только
 в живом,
 в настоящем
 времени
рождается подлинный поэт.
Российский поэтишко
 пошл
 и жалок.
Отсизиваются
 по чатам да кабакам,
скулят в кулак,
 на рейтинги жалуются,
манерничают,
 валяют дурака...
Играть словами —
 нехитрое дело.
Картинки легко лепятся.
Модно
 за поэзию выдавать
 безыдейнейшую

околесицу.
Но разве
 я вправе
 соловейничать по кустам
попсово-выгодных
 абстракций,
когда взрывается мир —
 а где-то там
бурлит
 трудовая Франция!
Нормальному французу
 бузить не в масть,
и без надобности высовываться;
им бы спокойно беседовать,
 вовремя ложиться спать —
да работать на совесть.
Они умеют
 ценить труд,
беречь
 красоту и гордость —
и слышать
 хрусталь фонтанных струй,
в ворчливости
 старого города.
Но французский буржуй —
 как любой другой.
Мало ему
 прибыли.
И вот,
 пошевелили
 евромозгой —
и выдали.
Дескать,
 теперь
 мы сами решим,
кто на что претендовать может,
и укрепим
 свои барыши

мигрантами —
 вместо французской молодежи.
Гнать с работы
 имеем право,
это новый закон —
одобрен
 парламентскими правыми,
президентом
 утвержден.
Дешевый литовец и поляк
на что угодно
 согласятся.
Как быть французу? — А никак.
Это — глобализация.
Хотите
 Европу без границ? —
Перед буржуем
 падайте ниц.
Бойтесь,
 американец слопает? —
Местным
 подчиняйтесь безропотно.
Однако француз —
 не быдло, не скот,
он не привык сутулиться.
И всколыхнулся
 простой народ,
И вышел на улицы.
Студенты —
 и рабочие,
 молодые —
 и старые,
встали
 живой стеной,
Закон — отменить!
 Правительство — в отставку!
Предателей — долой!

Стачка!
 Стоп станки и стройки!
Не работают университеты.
Тракторами
 перекрыты дороги,
на площадях
 пикеты.
В аэропортах — мертвые залы
неприкаянным багажом
 завалены,
а для туристов — иносказаниями:
дескать,
 aggression sociale...
Стоят поезда,
 автобусы не ходят,
такси — и того нет.
И веселый ажан на пустой остановке:
La grève... On marche à pied.
И люди идут. Великий марш.
Миллионы
 вздываются.
Долой буржуя!
 Прочь Ширак!
Да здравствует
 свободная
 нация!
И отстояли.
И сберегли.
Защитили
 честь
и достоинство
 великой земли.
Будущее — есть.
А что в России?
 Холод и мрак.
Покорность и терпение.

Ложь на троне,
 подлец и дурак —
вместо героя и гения.
В стадо сгоняют
 тупых овец,
заманивают
 тухлым рублишком,
стригут,
 забивают,
 гнилую антисоветчину
на выпотрошенных душах пишат.
Так и живем:
 ни ума, ни совести —
абсолютный нуль.
И временами
 страшно становится
и стыдно
 за свою страну.
Впрочем — свою ли?
 Моя родина,
любимейшее место
 на планете,
в восьмидесятих предана
и достреляна
 в девяносто третьем.
Теперь же — горстка
 уродливых карликов,
злое ворчание,
 вечная грызня...
Там,
 где над падалью
 вороны каркают, —
место не для меня.
А Россия...
 Из всех обломков,
самая неудачливая,
она давно
 стала эталоном

продажности и предательства.
Остальные — что с них взять!
Национализмом
ударенные.
Пешка,
превращенная в ферзя,
по-детски забывчива
и неблагодарна.
Только с России — особый спрос.
Ей ли
страдать комплексами?
Ей ли играть
бедного родственника,
вляпавшегося
в черную полосу?
Но дорвалась до власти
мразь,
бросили клич — и сброд весь,
историю
втапывая в грязь,
бросился
делить собственность.
В этом деле
не бывает друзей!
Лишь бы
враги
не наказали.
Что нам
теперь
чужие земли?
Мы же
собой
заняты.
Невмешательство,
великий дар!
Бывшие союзники
тише пыли.

Где вы были,
 когда бомбили Багдад?
 Или когда
 Белград
 бомбили?
 Помните
 1936-й?
 Израненной
 Испании —
 ножи в спину.
 А потом —
 фронты второй мировой,
 ужас Освенцима
 и Хиросимы.
 Впрочем,
 надежда есть
 одна:
 когда-нибудь
 в угоду
 заокеанскому начальству
 эта
 обесславленная
 страна
 будет другими
 разорвана
 на части.
 Проглотят,
 переварят —
 и тогда
 мирно догниет в компостной куче,
 некогда опора
 мира и труда,
 некогда народ
 великий и могучий...
 Пусть патриот российского дерьма
 за мои стихи
 ядом брызжет...

На хрена мне ваша
поганая
Москва?
Я хотел бы жить
и умереть
в Париже.

март ... апрель 2006

Сонет Цурэна

Как лист увядший падает на душу
Кружится утомленная волнами
Осенняя судьба тень горизонта
И плачут паруса вздыхает ветер

Прощай земля рабов унылый берег
Под серым небом сгорбившийся в страхе
За собственную шкуру в петлях сайвы
Не помнит время птичьего полета

Чужие страны оказались ближе
Былой мечты запретные бутоны
Склоняются под тяжестью росы

Так путник ненароком обернется
И замечает как они жестоки
Слепые игры маленьких детей

сентябрь 1984

* * *

Злой дядя нехороший
На белом свете жил:
Он ненавидел кошек,
И птичек не любил,

Он заставлял собаку
Кусаться и рычать —
И требовал дензнака
За подпись и печать.

Злой дядя был начальник,
И он учил народ,
Где чинно и печально —
А как наоборот;

Чем почесать за ухом,
Мотивчик спеть какой —
Кому голодным брюхом,
Кому с пустой башкой.

Когда по расписанию
Движение и мысль —
Все счастливы, на грани
Тюрьмы или сумы...

Но как ни обустройся
На золотом песке,
Дурацкие вопросы
Приходят кое с кем:

Терпеть чего бы ради,
Коль есть еще во лбу?
И не пора ли дядю
Послать куда-нибудь?

Чтоб погладить кошку,
С собакой погулять,
И за полезный грошик
Не требовать рубля...

Против судьбы навозной
Поднимется страна —
И вот: вода и розы,
Простор и тишина...

В веселости, в печали,
В кишках и в голове, —
Не нужен нам начальник!
Пусть каждый — человек.

Чтобы войной — не пахло,
И молодость росла
Без совести и страха,
Выше без добра и зла.

ноябрь 2009

Огонь

микропоэма

Любо на пламя алой зари
Мчатся под флагом алым...
Лихо Вы, славно, товарищ комбриг,
Били врагов, бывало!

Звезды-глаза, на шлеме звезда,
Молодость и отвага,
Вера в грядущее царство труда,
Ленинская присяга...

И победили. И враг разбит.
Вроде бы, можно строить...
Но почему вдруг — мещанский быт
Душит бывших героев?

Дача, машина, домашний хлам,
Льготы, чины, награды...
Вместо свободы — деньги и блат.
Кто не имеет — падаль.

Нет больше выстраданной страны —
Продано и перепродано...
Снова — буржуи да паны
На шее у народа.

Что остается? Глухая злость,
Память пилой по нервам:
Вроде сбылось — и не сбылось.
Было — или не было?

Через цингу и тиф пройти,
Выжить — чего же ради?

Бравый рубака — небо коптит,
Пьет, и соседям гадит.

Думалось переустроить все —
Задумки-то неплохие...
Но — мутным потоком куда-то несет
Рыночная стихия.

Вроде бы просто: власть бери,
Пробуй себя в деле...
Что же случилось, товарищ комбриг?
Где Вы недоглядели?

Что это — временный отход,
Случайная неудача?
Но почему же люди так легко
Дали себя одурачить?

Только ли — ложь из-за рубежа,
Раствление молодежи?
Сил не хватило — удержать,
Выявить, уничтожить?

Воры, хапуги, холуи —
Недобитков стая...
Слепо разила чужих и своих
Ваша рука стальная.

Снова и снова — много лет,
Из поколения в поколение...
Стало меньше заразы? Нет.
Гаденькие сомнения

В публице расплзаются...
А профессорствующие рожи
Тут же с теорией: без базара
Экономике — невозможно.

Дескать, природа такова.
Нечего в небо нацеливаться!
Собственность, выпивка и жратва —
Общечеловеческие ценности.

Это, конечно, полная чушь.
Пропаганда убогая.
Человечеству по плечу
Очень и очень многое.

Если ошибка — толку что
Бить себя в грудь и каяться?
Работать надо — чтобы потом
Уже не спотыкаться.

В звонкую степь на горячем коне
Должен лететь кто-то.
Но светлую правду из грязи дней
Вылепить — вот работа!

Революции без героев нельзя.
Надо признать, однако:
Нынешнего буржуя — не взять
Кавалерийской атакой.

Они и спик инглиш, и парле франсэ,
Плевать им на касты и расы —
У них за плечами сегодня все
Открытия всех цивилизаций.

Чтобы из классовой борьбы
Прочь интерес шкурный,
Надо не просто сильнее быть —
Надо стать их культурней.

Не в смысле просто цивилизных манер:
Чтобы иногда без мата,
Чтобы — как дама и кавалер,
А не в хлеву поросята...

Речь не об условностях, нет!
Важно в любом деле,
В самом ничтожном — видеть свет
Главной, великой идеи.

Вызубрить Маркса и дурак
За пару лет сумеет.
Выверить Марксом каждый шаг —
Задача потяжелее.

Не обыконить, а вровень стать.
Гегель, Маркс, Ленин —
Это не догма, а этап,
В будущее ступени.

Мало добраться до вершин.
Поднимаясь над ними,
Надо хоть что-то совершить
Новых надежд во имя.

Надо учиться — и учить,
Вдумчиво и страстно —
Чтобы далеких звезд лучи
Вывременились в пространство.

Чтобы исчезли навсегда
Религии и законы.
Мир — для свободного труда,
Разумом возрожденный.

Будет пора великих мечтаний
И дерзновенных дум...
Только буржуи власть и знания
Сами не отдадут.

Сколько еще вперед идти,
Судьбами путь мерить!
Сколько раз на этом пути
Придется считать потери...

Может быть, снова — глотку в крик,
Снова коней в шпоры?
Спите спокойно, товарищ комбриг.
Наша заря — не скоро.

1984 ... 2009

* * *

Цветочки, кустики, журчание
ручья, блаженство и покой...
Мира краса необычайная
Воспета вечною строкой.

А то — захочется чего-нибудь...
И подобающий предмет —
Во всех деталях, с низу до неба, —
Строкой нетленную воспет.

Или — отлучит судьба от вымени,
И ничего не отыметь.
Это сигнал: свое уныние
Певучей строчкой обессмерть!

Таков поэт. Не по случайности,
А по рождению и друзьям —
Что в гонорары превращается
Служебно-вдохновенный хлам.

Но есть другие, бесноватые —
Профаны, графоманы, сброд...
Они на публику — с плакатами.
У них мозги наоборот:

Сначала выдумают что-нибудь —
Потом пытаются найти...
По благолепию — бульдозером,
Порядку — в задницу фитиль!

Добро, по лавочке кричали бы —
Здоровый православный мат...
А то — на бога и начальника.
А это явный неформат.

И все же для непечатной сволочи
Историк светлого потом
Отыщет правильные полочки
И впишет в надлежащий том

Их сочинизмы неуклюжие,
И выяснится, что они
Необходимей и заслуженней
Гламурно-офисной страпни.

Когда болеет мироздание —
Не каждый может через стих
Взять на себя его страдания
И к новой жизни повести.

В сомнениях и противоречиях,
Мир жаждет нашего труда —
Тут надо не увековечивать,
Не воспевать, а созидать.

Круши иллюзии и мнения!
Кувалдой — где не хватит слов.
Какое, к черту, вдохновение?
Есть боль. Есть долг. Есть ремесло.

май ... июль 2010

Бездна

Удар молнии.
Прометей проваливается под землю.

Эсхил

Щебетать о цветочках не буду.
Не любитель журнальных гнид.
Да, конечно. Поэта нетрудно
В нелояльности обвинить,

Засудить, затравить, уничтожить,
Отлучить от времен и судьбы...
Но убить мертвеца — невозможно,
Нелюбимого — не разлюбить.

Если мысль в мозолях, натружена,
Если болью строка звенит,
Одиночество — тоже оружие,
Беззащитность — надежней брони.

Все проходит. Бессмертны идеи.
Через годы, через века —
Но когда-нибудь кто-то сумеет
Стать, кем я бы хотел. А пока...

Я застрял за границей Европы,
Я пожизненно сослан туда,
Где лентяев блюдут остолопы,
Где любая беда — навсегда...

Здесь не принято быть человеком,
Здесь положено — мордой в дерьмо.
Кто не вор — тот моральный калека.
И свобода воняет тюрьмой.

Самоедство и самодовольство,
Показуха, юродство и лесть,
И бессмысленное геройство,
И намеренно подлая месть...

Был бы ад — и в аду веселее.
Хавай, коли начальство решит, —
В этой проклятой части Вселенной
Не осталось ни тайн, ни души.

Я хочу убежать от России,
От постылой, унылой страны,
От молчания и бессилия,
От холопства страшнее войны,

От поповщины, дикого барства,
От дорог ее и дураков —
Через время, через пространство,
Навсегда, далеко-далеко...

Но куда? Без жилья, без работы...
И зачем? Чтобы видеть, как,
Превращая планету в болото,
Расползается тухлый мрак?

Для буржуев — границы открыты.
Им порядочность — не указ.
Прут богатенькие паразиты
С паспортами всех стран на руках...

А за ними — мещанские орды,
Рядовой туристический сброд —
Выезжают заснять свои морды
На виду забугорных красот.

В Ланкашире, в Эльзасе, в Гранаде,
В океане, в горах, на Луне —
По-российски базарят и гадят,
Пьют, блюют — и довольны вполне.

Даже если настанет день, и я
Доползти бы на свет смог,
Россиянство — позор и презрение,
Знак проказы, иуды клеймо...

Нет сочувствия — нет поэта.
Без мечты — абсолютный нуль.
Я гнию изнутри — и за это
Ненавижу себя и страну.

Бесконечно противно и больно
Убеждаться в нечислимый раз:
Нет мне воли, — ни даже безволия, —
Цепи, церкви, двуглавая мразь.

2006 ... 2011

Интернационал

Шли по взлетной мы с тобой
Полосе,
Говорили про любовь
En français.

И стояли под крылом,
К тени тень,
Вспоминая о былой
Темноте.

И смотрели, не дыша,
На закат —
И болезненно мешал
Автомат...

Солнце из-под облаков...
Но капрал
Мне махнул уже рукой:
Мол, пора.

И беспечно "Salut!",
Как всегда...
Добежать, захлопнуть люк —
Ерунда.

Сумерки, моторов гул
В души вбит...
Только всплеск далеких губ:
"Хабиби!"

Там, в долине, будет бой.
Обречен
Добровольческий восьмой
Батальон.

На себя огонь — приказ:
Вызвать шторм,
Простоять хотя бы час —
А потом...

Не об этом у солдат
Разговор —
Нам бы только не отдать
Этих гор,

Обездоленный народ
Защитить...
А любимая поймет —
И простит.

За свободу, за любовь
Кровь пролить
Где-нибудь придется вновь,
Может быть.

По телам идет война.
C'est la vie!
Но гибель суждена —
Не любви.

март 2003 ... январь 2011

* * *

Больные недочеловеки,
Как миллионы лет назад —
Сегодня, в двадцать первом веке!
Дозрели, нечего сказать.

Они юродствуют на храмы...
Чтить жития, молитвы выть...
Попы, раввины да имамы —
Вместо разумной головы.

Казалось бы: полно работы,
Довольно дурака валять!
Но вновь плодятся идиоты —
И вот, пожалуйста, опять:

Лижут зады, целуют руки,
Послушно быют еретиков...
Где достижения науки?
Где мудрость сорока веков?

Все те же лики и личины,
Скрежет духовных костылей...
Мыслить — они не научились,
И не желают стать взрослей.

Тогда, быть может, даже лучше,
Что сгинет, порастет быльем —
В космической компостной куче
Всем человечеством сгнием.

Не лечат ни любовь, ни палка
Его пустоголовых чад.
И омерзительно, и жалко,
И больно видеть — и молчать.

июль 2012

* * *

Ж. Болотовой

Там, где тысячи лет, через веки веков,
Проходил за народом народ,
Ожидание было уделом рабов,
А вершение — правом господ.

Ждали те, кто знал только голод да плеть,
Избавителей, добрых царей...
А попы призывали молчать и терпеть
От избранных алтарей.

Созидатели, подлинные творцы
И поныне лишь терпят и ждут;
Их руками и капища, и дворцы
Воздвигаются — им на беду.

Но кончается самая долгая ложь —
И рабы в катакомбах души
Тайно точат восстания праведный нож
И готовы на ждать, а вершить.

Ожидание — как привыкание к цепям
И желание новых цепей.
Я не жду перемен — я их делаю сам
Незаметной работой своей.

... 12 января 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление: Революция продолжается	3
Цветы	5
Дурак и должность	7
Альбинос (1).....	9
Той самой Незнакомке	10
М. Р.	11
Ода взятке.....	14
Еще раз о... ..	17
Таблицы, формулы... ..	23
Им.....	24
Внутренний голос	26
Кто много говорит... ..	28
К сведению... ..	29
Песня о переменах.....	30
А в России опять дожди... ..	32
Выкуси!	33
Господа и рабы... ..	34
Всемогуществом и властью... ..	35
Призвание.....	37
На успение святого Николая	38
С точки зрения филологии.....	41
Шумите, господа.....	44
Иностранец.....	46
Сонет Цурэна	54
Злой дядя нехороший... ..	55
Огонь.....	57
Цветочки, кустики... ..	62
Бездна	64
Интернационал	67
Больные недочеловеки... ..	69
Там, где тысячи лет... ..	71